

© 2001 г. А.П. РОМАНЕНКО

СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА: Е.Д. ПОЛИВАНОВ – Н.Я. МАРР

В современной истории советского языкознания установилось мнение, что советская философия языка ("марксистское языкознание", "марксизм в языкознании"), принципы которой дискутировались с 20-х по 50-е годы, принадлежит не столько науке, сколько культуре в целом, то есть взаимоотношениям между наукой, идеологией, политикой [L'Hermitte 1987]. Это справедливо, однако не дает более или менее удовлетворительного объяснения причин влиятельности этого феномена в советском языкознании. Можно ли их свести к авторитарности власти, или они глубже? Подобный вопрос по отношению к марризму поставил В.М. Алпатов и дал ответ: это влиятельность мифа, а не науки. Он охарактеризовал и обстоятельства, способствовавшие утверждению и победе этого мифа [Алпатов 1991]. Соглашаясь с этим, нельзя не заметить и некоторой недостаточности такого ответа для истории лингвистики, в которой рассматриваются не только научные теории языка и которая изучает не только имманентную историю лингвистических учений, но и их связь с общественно-языковой практикой. Задача настоящей статьи – попытаться показать культурный детерминизм советской философии языка, объяснить ее специфику особенностями советской культуры (мифологизированной по своему характеру), общественно-языковой практики; понять неслучайность¹ существования, борьбы, выбора теорий языка в этой культуре. При этом нужно различать, с одной стороны, взаимоотношения советской философии языка и марксизма как теории, с другой – взаимоотношения ее и марксизма как риторической, речевой практики. Первый аспект проблемы, внутренний, касающийся самой теории языка, исследуется давно. Марксизм определяют либо как искусственно привнесенное в языкознание содержание [Thomas 1957; Концевич 1991], либо как органическое свойство советской философии языка [L'Hermitte 1987], либо ввиду сложности проблемы учитывают связь того и другого [Алпатов 1991; 1992; 1995]. Второй аспект, внешний, в историко-лингвистической литературе, по существу, не изучен, он и является предметом нашей статьи.

Философия языка – это та часть теории языка, которая рассматривает вопросы построения и сущности языка в связи с его отношением к действительности, обществу, сознанию. Тип теории языка и ее философская часть в определенной степени детерминирована общественно-языковой практикой [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975: 28], в которую входит и риторическая деятельность общества. Советская философия языка была представлена двумя противостоящими друг другу концепциями – Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра [Леонтьев 1983: 17]. Выступившая с критикой марризма группа "Языкфронт" занимала в этом противостоянии промежуточное положение, но более тяготела к позиции Е.Д. Поливанова, хотя этого и не признавала. Концепция авторов книги "Марксизм и вопросы языкознания" (В.Н. Волошинова, М.М. Бахтина) была ближе к позиции Н.Я. Марра²; впрочем, они стремились

¹ Сам факт неслучайности советской философии языка отмечен историками советского языкознания [Genty 1977; L'Hermitte 1987; Алпатов 1991].

² Ближе в том смысле, в каком им (как и Н.Я. Марру) был ближе "абстрактного объективизма" "индивидуалистический субъективизм".

отстраниться от рассматриваемого противостояния. Соотношение между всеми этими вариантами философии языка определялось во многом спецификой советской словесной культуры. Мы проанализируем лишь основные, противостоявшие друг другу концепции Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра.

Серьезность, обдуманность и искренность обращения к марксизму и Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра (как и многих других лингвистов) не вызывает сомнений. Е.Д. Поливанов сам был активным деятелем революции и убежденным марксистом. Н.Я. Марр пришел к марксизму поздно, но тоже вполне сознательно³. Ими двигало интеллигентское стремление послужить трудящимся массам и новому обществу. Оба они знали массы (хотя и по-разному в силу разного социального происхождения), так как активно и профессионально работали с информантами. Поэтому представляется не совсем корректным считать их марксистскую ориентацию заблуждением, неким неизбежным для того времени идеологическим пленом, как об этом, например, говорит Л.Р. Концевич по отношению к Е.Д. Поливанову [Концевич 1991: 591]. Не совсем точным представляется и мнение Л.Л. Томаса о марксизме Н.Я. Марра как о механическом идеологическом добавлении к уже разработанной лингвистической теории [Thomas 1957: 140]⁴. Обращение этих лингвистов к марксизму (Е.Д. Поливанова раньше, Н.Я. Марра позже) скорее, по нашему мнению, можно считать стремлением скоррелировать лингвистическую теорию с новой революционной, изменяющейся на глазах языковой практикой.

Вот почему специального анализа заслуживает именно практическая (внешняя) сторона советской философии языка, обращенная не столько к науке как таковой, сколько к культуре в целом, к риторике как нормализатору практической (не поэтической) речи. Философия языка в этом случае приобретает более широкую аудиторию – не только ученых, но и практиков, риторов в широком смысле. Являясь частью практической риторической деятельности общества, философия языка может быть рассмотрена в категориях не только истории науки, но и теории риторики. Поэтому мы разберем концепции Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра в трех аспектах речевой деятельности советской культуры – *э т о с а* (условий речи), *п а ф о с а* (источника смысла речи) и *л о г о с а* (словесного воплощения пафоса на условиях этоса) [Рождественский 1997: 96]. При описании будем опираться на проведенный нами в этих категориях анализ советской культуры и языка [Романенко 1999].

Советская культура (в том числе словесная) представлена, с одной стороны, константными характеристиками, с другой, – по крайней мере, двумя во многом противопоставленными типами или моделями: культурой 1 и культурой 2 [Паперный 1996]. Эти модели различаются хронологически (культура 1 доминировала в 20-е, культура 2 – в 30-е годы) и типологически (культура 1 – элитарная, культура 2 – массовая). Носители культуры 1 – риторы 1 – профессиональные революционеры, в основном интеллигенты, начавшие свою деятельность еще до революции. Носители культуры 2 – риторы 2 – выходцы из масс, пришедшие к власти после революции [Романенко 1999: 29–30]. Риторы 1 – представители элитарной речевой культуры, риторы 2 – среднелитературной [Гольдин, Сиротинина 1997]. Этим культурным моделям отвечали и варианты философии языка: концепция Е.Д. Поливанова соответствовала культуре 1, была ориентирована на ее общественно-языковую практику, концепция Н.Я. Марра – культуре 2 с ее общественно-языковой практикой. Рассмотрим это различие, проявлявшееся во всех трех аспектах речевой деятельности.

Пафос культуры 1 – разрушение старого, борьба с ним. Теоретический источник смысла речи – марксизм в ленинской интерпретации. Пафос культуры 1 связан со

³ У Н.Я. Марра вместе с тем были и конъюнктурные и карьерные мотивы [Алпатов 1991].

⁴ Н.Я. Марр шел к марксизму не столько от теории, с которой он был знаком лишь в общих чертах [Алпатов 1991: 68–69], сколько от практики (поэтому современники говорили о его "стихийном марксизме").

старой культурой (несмотря на борьбу с ней). Риторы 1 – наследники старой культуры. Язык нового общества осмыслялся как преемник старого, был старым модернизированным языком – этого требовала пропаганда марксизма, учения, сформировавшегося в старой культуре [Романенко 1999: 30, 32].

Пафос концепции Е.Д. Поливанова – в преемственности, в ориентации на традицию, на прецедент, на старое⁵, что соответствовало ленинскому принципу построения социалистической культуры с опорой на предшествующую. Е.Д. Поливанов любил цитировать известное место из речи В.И. Ленина "Задачи союзов молодежи" о необходимости знания культуры человечества для построения пролетарской культуры. В своем программном докладе "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория" (1929 г.), положившем начало "поливановской" дискуссии, он эти ленинские слова назвал лейтмотивом или эпиграфом к докладу. Этот принцип определял отношение Е.Д. Поливанова к старому (досоветскому) языкознанию: "...в такой точной науке, какой является лингвистика, не может быть речи об отмене всех сделанных этой наукой и, в частности, сравнительным языкознанием достижений – потому, дескать, что они не удовлетворяют марксистской точке зрения. Наоборот, можно сказать обратное: в лингвистике (по крайней мере в том запасе лингвистических достижений, который был представлен работами лучших наших лингвистов начала 20 в.) нет утверждений, противоречащих марксизму... Вот почему здесь нельзя игнорировать лингвистическую культуру, созданную предшествующими поколениями" [Поливанов 1968: 51–52].

Язык, по Е.Д. Поливанову, его сущностные свойства, структура и функционирование детерминированы традицией: "В языке мы более чем где-либо (например в материальной и духовной культуре, искусстве, литературе и т.д.) зависим от традиции, послушно отражая в наших словах факты языкового мышления давным-давно ушедших поколений, большинство которых чуждо нам даже по этническому имени" [Поливанов 1968: 210]. Вместе с тем о советском языке, языке "пионерско-комсомольского поколения" он говорил: "...это уже *другой язык*" [Там же: 207]. Говорил он также «о невозможности отождествить понятие "языка интеллигенции" как стандартного языка дореволюционной эпохи со стандартным языком современности, несмотря на то, что мы к нему прилагаем наименование "языка красной интеллигенции"» [Там же: 233]. Но все это не приводило Е.Д. Поливанова к трактовке советского языка как нового и беспрецедентного явления. Структурная основа этого языка – старая, в нем больше прецедентных, чем абсолютно новых фактов. К тому же новой становится, в основном, лексика [Там же: 210]. Следовательно, имеется в виду старый модернизированный язык. Е.Д. Поливанов, признавая правомерность классовой трактовки языка, не делал вывод о возможности разрыва традиции в языковом развитии, наоборот, утверждал принцип преемственности: "Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт; но и каждая из этих сменяющих друг друга групп наследует в перенимаемом стандартном языке отложения сошедших уже с исторической арены носителей стандарта" [Там же: 223].

Пафос культуры 2 – созидание и культивирование нового. Борьба со старым усиливается и распространяется на культуру 1 и на раторов 1 с их интеллигентскими, продолжающими старые традиции формами речемышля. Теоретический источник смысла речи – марксизм-ленинизм в сталинской интерпретации, еще более упрощенный и популяризированный, чем в культуре 1. Это делает необязательным обращение к старой культуре как к контексту и источнику марксизма. Поэтому пафос культуры 2 – разрыв культурных (и языковых) традиций и признание беспрецедентности нового. Язык культуры 2 понимается как собственно новый, язык масс, порвавший

⁵ Это не значит, что Е.Д. Поливанову было чуждо новаторство, но оно основывалось на знании и учете прецедентов.

связи со старым (в том числе и модернизированным) языком интеллигенции [Романенко 1999: 31, 35].

Пафос "нового учения о языке" Н.Я. Марра – это культивирование нового, основанное на отрицании старого, на разрыве традиций, что проявилось, кстати, в названии концепции. Эта теория выстроена в соответствии с философским принципом соотношения базиса и надстройки⁶. Культура (и язык) относится к надстройке, изменяющейся вслед за базисом. Поскольку советский базис абсолютно нов, постольку нова и надстройка (по крайней мере от нее надлежит требовать новизны).

Культурологическая позиция Н.Я. Марра основывалась на признании антагонизма отношений поработанного Востока (репрезентанта нового) и поработителя-Запада (репрезентанта старого). Старый Запад-угнетатель подлежал безусловному отрицанию, с будущим человечества связывался пробуждающийся и освобождающийся новый Восток. Эта позиция "культурного нигилизма" [Алпатов 1991: 64–66] была ориентирована на построение новой беспрецедентной культуры (в отличие от ленинской позиции).

В русле этого нигилизма осуществлялся Н.Я. Марром и разрыв с лингвистической традицией. В.М. Алпатов заметил, что «чертой "нового учения о языке", созвучной времени (то есть пафосу культуры 2. – А.Р.), была резкая враждебность Марра лингвистической науке Запада и дореволюционной России» [Алпатов 1991: 60]. Эта враждебность привела к утверждению "новым учением о языке" своей научности и отрицанию таковой у старой лингвистики.

Новая теория языка, научная в отличие от старой, должна строиться на принципиально новом, научном мышлении: «Надо переучиваться в самой основе нашего отношения к языку и его явлениям, надо научиться по-новому думать, а кто имел несчастье раньше быть специалистом и работать на путях старого учения об языках, надо перейти к иному "думанию", в этом смысле переучиться» [Марр 1936: 419].

Отрицание старой лингвистики было обусловлено именно пафосом новой культуры, "новым общественным мышлением", а не личными симпатиями и антипатиями Н.Я. Марра, не его отношениями со старыми академическими кругами. Это обстоятельство подчеркнул сам Н.Я. Марр: "Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропейцы. между тем сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общест-венности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока. их убийственной колониальной политики" [Марр 1934: 1]. По свидетельству В.А. Миханковой, эта характеристика старой лингвистики (без характеристики лингвистов) вывешивалась студентами в качестве плаката в аудитории, где проводил занятия Н.Я. Марр [Миханкова 1948: 297]. В.М. Алпатов отметил, что эти слова входили "во все цитатники Марра" [Алпатов 1991: 63]. Так сочетался пафос "нового учения о языке" с пафосом культуры.

Все старое языкознание Н.Я. Марр называл индоевропейстикой по принадлежности его к европейской культурной традиции, а вовсе не по предмету исследования. Индоевропейством вслед за Н.Я. Марром его последователи стали называть не специалиста по индоевропейским языкам, а любого представителя старого языкознания, любого оппонента "нового учения о языке", любого представителя культуры 1 в филологии. Так называли и востоковеда Е.Д. Поливанова, который сразу же отреагировал на это: «Кстати, мне очень странно было слышать, что меня называют индоевропейцем. Как странно меняется значение слов! Об этом существует особая наука. И вот как меняется слово "индоевропейец". Тогда, когда в 1912 г. приблизительно оформлялось известное течение среди лингвистов при Ленинградском университете, меня как раз называли антиевропейцем. Почему? Потому что я звал и сам больше всего работал на неевропейском материале» [Поливанов 1991: 548]. Этот случай десемантизации и

⁶ Возможно, что она строилась Н.Я. Марром без знания этого принципа, но оказалась хорошо ему отвечающей.

острая реакция на него риторика 1 указывают на принадлежность марристской риторики именно культуре 2 [Романенко 1999: 43–46].

Язык послереволюционной эпохи, советский язык, по Н.Я. Марру, это новый язык, порвавший связи с предыдущим языковым развитием, со старым языковым состоянием: "Не реформа, а коренная перестройка, а сдвиг всего этого надстроечного мира на новые рельсы, на новую ступень стадияльного развития человеческой речи, на путь революционного творчества и созидания нового языка" [Марр 1936: 370–371]. В связи с "новизной" языка Н.Я. Марром развиваются теоретико-методологические направления в исследовательской деятельности "нового учения о языке".

Это, во-первых, идея будущего всемирного языка, которая связывается с приходом нового носителя – масс. По Н.Я. Марру, нужно ставить вопрос о "едином искусственном общечеловеческом языке и говорить о нем не утопически и не кустарно-самодельнически во вкусе и в подражание европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе, с охватом языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех и языков и стран" [Марр 1936: 24]. Отметим, что это направление вытекало из концепции Н.Я. Марра, а не из политической конъюнктуры того времени. «Идея о будущем языке появилась у Марра задолго до того, как он стал ее связывать с построением коммунистического общества. В "новом учении о языке" она занимала большое место уже потому, что была логическим завершением его концепции развития языков от множества к единству» [Алпатов 1991: 44]. Существенно, что эта концепция строилась как противопоставление "индо-европейской лингвистике", то есть компаративистской модели языкового развития: "По яфетическому языкознанию, зарождение речи, ее рост и дальнейшее или конечное достижение можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно праязычного состояния в виде многочисленных моллюско-образных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций, к вершине, то есть единству языков всего мира. У индо-европейской лингвистики, с ее единым праязыком, палеонтология сводится к пирамиде, поставленной на вершине, основанием вверх" [Марр 1934: 31].

Во-вторых, пафос нового языка актуализировал проблему происхождения языка. Н.Я. Марр подчеркивал принципиальное значение этого направления исследований для теоретического и прикладного языкознания: "...без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение об языке предполагает то или иное положительное обращение к этому вопросу, ту или иную концепцию возникновения языка, и только тогда специальные углубленные занятия отдельными языками могут явиться плодотворными" [Марр 1936: 69]. И это понятно: создавая новый язык, нужно иметь философско-теоретическую модель его возникновения и начала развития. Поэтому так актуализировались вопросы происхождения языка в советской философии языка того времени. Н.Я. Марр прямо связывал оба направления исследований с вопросами современности (возникновение нового языка, "новых видов языка"), то есть с пафосом культуры 2: "...Н.Я. отвечает... и на обвинение, что яфетидологи якобы уходят от задач современности и интересуются лишь историей языка – его происхождением и будущим единым языком. Он говорит, что именно интерес к современности побуждает заниматься вопросами истории и теории языка. Новое учение о языке так построено (выделено нами. – А.Р.), что оно не может не интересоваться актуальными вопросами жизни, ибо в них стимул к движению и пища для более углубленной работы над теорией" [Миханкова 1948: 389–390]. В то же время Е.Д. Поливанов, дискутируя с марристами, заявлял, что проблема происхождения языка бесперспективна, во-первых, потому, что ненаучна из-за неимения достоверных сведений, во-вторых, потому, что нелингвистична из-за отсутствия лингвистического материала для ее изучения [Поливанов 1991: 538]. И это тоже понятно, если учесть пафос его концепции и пафос культуры 1.

Таким образом, пафос учения Н.Я. Марра определяется отнесением языка и словесной культуры в целом к надстройке, что ведет к разрыву лингвистической и

языковой традиции и утверждению беспрецедентности нового языка и его описания. Впрочем, проблема происхождения языка открывает прецедент – культуру (и языковую в том числе) первобытного коммунизма, культуру добуржуазную.

Этос концепций Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра определяется их принадлежностью к типу культуры – элитарной и массовой.

Культура 1 элитарна: риторы 1 (политическая и интеллектуальная элита) управляли массами в условиях ораторики. Отношение ратора 1 к массе – отношение оратора, убеждающего аудиторию. Речевая деятельность организовывалась по принципу демократического централизма, причем ведущим и нормирующим видом речи была речь совещательная, документ лишь оформлял результат обсуждения. Риторы 1 много внимания уделяли популяризации знания и просвещению масс. Массы и их представители (риторы 2) должны были приобщаться к нормативам культуры и старого модернизированного языка путем подъема их культурного уровня, что соответствовало ленинской концепции культурной революции. Разумеется, такое представление о стандартном языке и его функциях – норма элитарной культуры, обращенной, впрочем, к массам, стремящейся стать массовой [Романенко 1999: 30, 32].

Концепция языка послереволюционной эпохи Е.Д. Поливанова – это концепция старого модернизированного языка, усваивая который, массы продолжают культурно-языковые традиции русской революционной интеллигенции. Он так характеризовал носителей этого нового стандартного языка: «На пути к будущему признаку *бесклассовости* современный стандарт ("общерусский язык революционной эпохи") характеризуется – в социальном отношении – следующим "субстратом": революционный актив (в том числе эмиграция предшествующего периода, вернувшаяся после революции), культурные верхи рабочего класса (как и выделенная им часть революционного актива) и прочие элементы, входящие в понятие "красной интеллигенции", в том числе и значительные слои прежней интеллигенции, осуществляющие, следовательно, реальную связь со стандартом предшествующей эпохи» [Поливанов 1968: 213]. Нетрудно заметить, что норма и образец этой речевой культуры – интеллигентские (элитарные). Отмечал Е.Д. Поливанов и такое характерное свойство старого (дореволюционного) стандартного интеллигентского языка как двуязычный характер коллективного мышления [Там же: 217]. Это свойство старого языка, но оно сохранялось и в языке культуры 1.

Лингвистическая теория Е.Д. Поливанова также элитарна. Она была обращена к аудитории ученых-профессионалов, не содержала даже элементов популяризации⁷. В этом отношении очень показателен доклад ученого на "поливановской" дискуссии. И сам его текст и речевое поведение автора свидетельствуют о сугубо профессионально-лингвистической ориентации доклада. Е.Д. Поливанов не мог не знать, какая аудитория (кроме профессиональной) его будет слушать. Однако этого он учитывать не желал, не желал переводить речь в режим массовой риторики. "Меня упрекали в том, что вместо целостного анализа яфетической теории, как некой системы, я занимался указанием отдельных противоречий фактам. Но ведь в этом-то все и дело. Нельзя стрелять из пушки по воробьям. Критиковать яфетидологию как систему это значило бы принять ее всерьез; между тем, в задачу специалиста здесь, прежде всего, входило показать то отсутствие элементарного фактического фундамента, которое заставляет нас проходить мимо яфетидологии не из-за ее общих положений, а из-за ее материала. И несмотря на продолжавшееся три недели после доклада кваканье профанов, сделанные мною вышеназванного характера указания остались вполне интактными" [Поливанов 1991: 555]. Позиция докладчика вполне ясна: лингвистическая

⁷ Это касается именно т е о р и и. Конкретные работы Е.Д. Поливанова могли (в силу популяризаторского характера советской риторики и деятельности раторов 1) быть написаны популярно, например, "За марксистское языкознание (Сборник популярных лингвистических статей)". – М., 1931.

теория – удел специалистов, а не "профанов". Теория Н.Я. Марра – не лингвистика. "Приходится утверждать, например, что Марр не имеет лингвистического образования" [Там же: 532]. "Профанов", т.е. риторов 2 в лингвистике, Е.Д. Поливанов называет "верующими", "лингвистами без языка", имея в виду их непрофессионализм [Там же: 561]. В докладе он попытался поставить их на место с помощью научного критерия – знания предмета, но ему ответили в духе обличительной полемики, после чего ученый прекратил свои попытки: "Сейчас позволю себе маленький экскурс относительно моих будущих оппонентов. Мне будут возражать, я знаю, лингвисты-иннарвосовцы, аспиранты-лингвисты Иннарвоса. Почему? Потому что они прежде всего привыкли выступать на всех докладах. Это вошло в привычку. Но, вот, если говорить откровенно, то скажу, что у аспирантов Иннарвоса есть манера говорить и тогда, когда они не знают предмета. (*Голос с места*: Бывают профессора, как вы, например, которые говорят, не зная предмета). (*Шум в зале*). В таком случае я эту тему бросаю и перехожу от моих будущих оппонентов к теме менее животрепещущей. (*Смех в зале*)" [Там же: 530–531]. Известно, что во время обсуждения его доклада Е.Д. Поливанов надолго уходил, избегая наскучившего ему ненаучного общения и не желая в нем участвовать.

Культура 2 – массовая. Риторы 2 (преимущественно выходцы из масс) управляли массами в условиях письменной (главным образом, письменно-деловой) коммуникации. Отношение ратора 2 к массе – отношение руководителя-управленца к коллективу. Принцип демократического централизма организовывал речевую деятельность иначе: ведущим и нормирующим видом речи становился документ, совещательная речь теряла свою значимость и даже вызывала подозрительное отношение как атрибут старой речевой культуры (такое же отношение вызывали и сами риторы 1). В качестве стандартного выступал новый канцеляризованный, основанный на упрощении старого модернизированного языка. Его называют канцеляритом, новоязом, новоречью. По сравнению со старым модернизированным языком он был вполне доступен массе и не требовал особых усилий для усвоения [Романенко 1999: 31, 35].

"Новое учение о языке" принадлежит массовой культуре (при этом теоретические, не рассчитанные на популяризацию работы Н.Я. Марра относятся к культуре элитарной). Новый язык – это язык масс, противопоставленный старому, пусть даже модернизированному, упрощенному, но элитарному в своей основе языку. "Тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи" [Марр 1930: 47]. К нормам старого языка отношение резко враждебно. В.М. Алпатов приводит очень показательное в этом смысле высказывание В.Б. Аптекера, развивающего положения Н.Я. Марра: «Сейчас у нас, безусловно, язык рабочих прежде всего, будет иметь преобладающее место в литературе и мы будем изгонять интеллигентские особенности языка... И если сейчас определенно господствующая группа вводит свой стиль в литературный язык, то прежние стилистические украшения, обязательные для каждой статьи, как например, "Что он Гекубе, что ему Гекуба", исчезают... Такими языками раньше могли говорить знать, интеллигенция, но не широкие массы, теперь же это, очевидно, в корне переживается» [Алпатов 1991: 67].

Если старая интеллигентская логосфера и преподавание языка имели характер двуязычный (о чем писал Е.Д. Поливанов), то новая речевая (среднелитературная, массовая) культура была монологична, а преподавание сводилось к обучению родному языку. Иностранные языки уходили на периферию учебного предмета. С точки зрения культуры 2 старый язык (сопряженный с иностранным) – чужой, новый же – свой, родной. Н.Я. Марр заявлял, что "...родной язык в СССР намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в европейской школе классические мертвые языки, греческий и латинский. Ясное дело, что это касается каждого родного языка, не одних бесписьменных или младописьменных языков. Это касается и русского языка..." [Марр 1935 : 395].

"Новое учение о языке" обращено не столько к ученым-профессионалам, сколько к

массам. Н.Я. Марр сам постоянно отмечал массовый. "пролетарский" характер своего учения. Аудитория Н.Я. Марра была широкой. Были в ней и лингвисты-профессионалы (например, Н.Ф. Яковлев, Л.П. Якубинский), видевшие в марризме, хотя и по-разному, и черты новой научной парадигмы, и черты, отвечающие требованиям новой речевой практики. Но большинство аудитории – непрофессионалы ("профаны". по Е.Д. Поливанову). "Самыми горячими приверженцами Марра в то время были его молодые ученики, многие из которых были комсомольцами" [Алпатов 1991: 80]. В.М. Алпатов говорит еще об ученых-нефилологах, выдвиженцах, а также о "профессиональных мифотворцах" ("лингвистах без языка", по Е.Д. Поливанову): о юристе Л.Г. Башинджагане, историке С.Н. Быковском, враче В.Б. Аптекаре. «В конце 20-х – начале 30-х годов Аптекарь считал себя московским представителем Марра и играл ведущую роль в дискуссиях тех лет. Как писала позднее О.М. Фрейденберг, "такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний ("методологии") не нужны самые знания"» [Там же: 56]. Эта аудитория – риторы 2, которых Н.Я. Марр сознательно культивировал⁸. "Марр всерьез гордился тем, что в отличие от дипломированных ученых чуваш-учитель сразу понял его идеи и через несколько дней написал статью о яфетической теории" [Алпатов 1991: 65]. "Наука без привлечения масс в научное творчество, – считал Н.Я. Марр, – обречена на прозябание в старых путях, обречена оставаться при старых методах" [Марр 1933 : 235]. Понимание лингвистики как части массовой культуры долго сохранялось в советской науке. Так, например, уже в 80-х годах один из наиболее видных и последовательных представителей риторики (а не теории) марризма Ф.П. Филин писал: "Однако не следует забывать, что в условиях царской России достижения языковедов, независимо от намерений последних, были известны лишь узкому кругу лиц. Языкознание (как и другие научные дисциплины) было наукой для немногих, кто мог получить достаточное образование. Только после Великой Октябрьской социалистической революции в процессе бурного развития народного просвещения оно становится наукой для масс" [Филин 1982: 38]. "Новое учение о языке" оказалось доступным непрофессионалам – риторам 2. и, усвоив его, они уверенно полемизировали с Е.Д. Поливановым (и не только с ним), не обращая внимания на его "интеллигентский" профессионализм в анализе фактов. Доступность марризма заключалась не в простоте теории (теория Е.Д. Поливанова проще с точки зрения научной логики), а в части пафоса и этоса, подчинявших себе логос. Риторы 1 и риторы 2 говорили на разных языках и не понимали друг друга.

О близости концепции Н.Я. Марра массовой культуре свидетельствует и его индивидуальный стиль, совмещающий в себе черты научного, делового и публицистического (массово-информационного) стилей. Например: "Решение столь сложной проблемы отнюдь не может быть достигнуто без увязки истории материальной культуры с генетическим языкознанием и особенно без продвижения третьего элемента... в исследовательское поле зрения научного мира, а это мыслимо лишь тогда, когда народы, кровно заинтересованные в разработке загнанного в науке третьего элемента по своей племенной с ним связи, общественно выйдут из пассивного положения также третьего элемента и выявят себя активными работниками по вопросу" (цит. по [Миханкова 1948 : 333]). Охотно пользовался Н.Я. Марр и стилистикой политических лозунгов, например: "Долой Милосскую Венеру, да здравствует мотыга!" [Марр 1935 : 202].

Логос культур 1 и 2 определяется, главным образом, принципами организации языкового знака, то есть принципами строения семантики знаковых систем. Различия

⁸ Здесь речь идет о массовой аудитории Н.Я. Марра. Известно, что в числе молодых учеников были и вполне профессионально образованные лингвисты.

культур по этому признаку детерминированы разными представлениями о соотношении языка, мышления и действительности, или иначе, разными пониманиями отношений знака, сигнификата и денотата.

Общественно-языковая практика культуры 1 формируется в соответствии с принципом условности языкового знака. Условность знака детерминирована этосом культуры, то есть коммуникативными возможностями ораторики, обеспечивающими коррекцию речи и ее семантики (необходимую для герменевтики пропаганды) в процессе речи. Принцип условности знака способствует совершенствованию сигнификативной стороны семантики старого модернизированного языка, чем достигается необходимая действительность речи. Известна, например, ленинская "борьба с фразой", то есть сигнификативная проработка материала, делающая речь логичной, последовательной и убедительной. В соответствии с принципом условности знака осуществлялось в культуре 1 именование без обращения к внутренней форме знака, например, широко известные "советские сокращения" [Романенко 1999: 37–46].

Концепция Е.Д. Поливанова дает лингвофилософское обоснование принципа условности знака, который формулируется очень четко и определенно. Проблема связи знака, сигнификата и денотата интересует Е.Д. Поливанова именно в связи с советской общественно-языковой практикой, с задачами описания и нормирования современного ему стандартного языка: "Но если не так уж методологически сложна задача самого описания языка революционной эпохи, т.е. учета языковых фактов революционного происхождения, то наибольшие затруднения представит прагматический вопрос о том, как и почему отражаются в эволюции языка факты социального быта (т.е. экономические и политические факторы). Ведь не только между звуковым составом определенного слова и социально-бытовой ситуацией (данного языка в данную эпоху), но даже и между звуковым составом слова и его значением нет органической связи (в противном случае одни и те значения не могли бы выражаться в разных языках совершенно несходными звуко сочетаниями, как это мы наблюдаем в действительности на каждом шагу)" [Поливанов 1968: 209]. Е.Д. Поливанов особенно настойчиво подчеркивает условность связи знака и денотата для современной речевой практики, имея в виду утвердившееся в советской философии языка марристское понимание обусловленности знака материальной культурой: "...между революцией и наличием того или другого звука в том или другом ряде слов нет никакой связи (ведь никакой внутренней зависимости нет и между качественнзвукосочетанием слова-символа и выражаемым им значением)" [Там же: 226]. Данное понимание устройства знака делало малоактуальной для теории проблему "слов и вещей", которая ставилась в работах Г. Шухардта. Неактуальным оказывалось и понятие внутренней формы знака. Е.Д. Поливанов, уделяя много внимания новому "революционному" способу именованья – аббревиации, оценивал новообразования лишь со структурно-функциональной точки зрения, не обращая на их внутреннюю форму и благозвучие никакого внимания. Анализ типов современной советской аббревиации он завершил следующими словами: "Добавлю только, что дурно или хорошо с эстетической точки зрения (о чем предоставляется судить специалистам-эстетам, а не лингвистам), но выше рассмотренные сокращения выполняют свою задачу, давая русскому словарю экономные и большей частью удобные слова для новых понятий, а потому всякого рода теоретические возражения против них, по моему мнению, излишни" [Там же: 193]. Подобная трактовка организации языкового знака продолжала традиции европейской сравнительной грамматики или – шире – "абстрактного объективизма" [Волошинов 1929] и была присуща структурализму.

Общественно-языковая практика культуры 2 строилась в соответствии с принципом мотивированности языкового знака. Этос культуры (условия письменно-деловой коммуникации) делал невозможными непосредственную связь между коммуникантами и, следовательно, немедленную коррекцию речи. Для устранения возможного непонимания (недопустимого в пропаганде) актуализируется механизм внутренней формы знака. Принцип мотивированности оптимизирует речевую деятельность путем установления

жесткой связи знака и денотата, что обеспечивает действенность речи (это явление называют "магией речи"). Роль сигнификата становится второстепенной. Сигнификативная система языка упрощается и строится по бинарной схеме. Возникает явление десемантизации, при котором обесмысливается сигнификативная логика, свойственная старому модернизированному языку. Практика именования начинает ориентироваться на принцип мотивированности знака, на учет его внутренней формы [Романенко 1999].

В "новом учении о языке" принцип мотивированности знака – центральное смыслопорождающее понятие. Н.Я. Марр определяет язык через материальную культуру, то есть через денотат: "Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства – отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике. Следовательно, сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение... Жизненные языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью" [Марр 1927: 79]. Между действительностью, мышлением и языком в их развитии существует определенный изоморфизм, который и позволяет изучать языковой материал в тесной связи с материалом денотативным: "Судьбы самих памятников доисторической материальной культуры едва ли могут расходиться с судьбами слов доистории соответственной страны. И если мы находим вещи, сродством своих линейных колебаний или линейной выразительности своей формы вторящие сродству слов, их одинаково осмысленному созвучию, в Восточной Европе и в этрусско-римской стране, то можем ли мы делать вывод для вещей и иной для слов?" [Марр 1935: 310]. Таким образом, язык мотивирован, детерминирован мышлением и действительностью.

Физическая часть языка, звуковая и графическая, мотивирована сигнификативно: "Нет не только слова, но и ни одного языкового явления, хотя бы из строя речи (морфологии, синтаксиса), или из ее материального выявления... нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением, получила бы какую-либо языковую функцию до мышления..." [Марр 1934: 111]. Признается мотивированность звучания значением слов. Эта связь модифицируется на разных стадиях языкового развития, но существовать не перестает.

Семантика языка мотивирована денотативно. В приложении к языковому развитию совокупность семантических законов, основанных на денотативной мотивированности, называлась Н.Я. Марром палеонтологией речи. В ее основе – четырехэлементный анализ лексики. Четыре элемента, образующие лексику, были мотивированы племенными названиями народов Средиземноморья. Но этой мотивированности для анализа лексики недостаточно из-за множества немотивированных формальных совпадений слов. Поэтому устанавливалась дополнительная к денотативной мотивированность – сигнификативная (о которой уже говорилось). "Спасает (четыrehэлементное описание словаря. – А.Р.) лишь качественный анализ двух категорий, один простой качественный анализ, как бы физический, когда с о з в у ч и е п р о в е р я е т с я з н а ч и м о с т ь ю с л о в а (здесь и далее выделено нами. – А.Р.), т.н. семантический анализ, притом значимость утверждается не установившимся представлением на основании употребления в том или ином письменном или вообще классовом языке, как это принято в индоевропейской лингвистике, а по законам палеонтологии речи. Другой анализ более сложный, как бы химический, анализ также семантический, когда значимость проверяется или удостоверяется прежде всего историею материальной культуры, равно историею общественных форм и затем историею надстроечных социальных категорий, искусства, художеств и т.п." [Марр 1927: 8]⁹. Эта система делает понятным использование Н.Я. Марром при семантическом анализе народной этимологии, его при-

⁹ Разумеется, четырехэлементный анализ и другие понятия марровской семантики и палеонтологии речи не могут быть интерпретированы как абсолютно детерминированные общественно-языковой практикой культуры 2. Дело в другом: они возможны при условии признания принципа мотивированности знака и основаны на нем; он же детерминирован языковой практикой.

тальное внимание к магии речи и к первобытному состоянию речемыслительной деятельности человека. "Палеонтологический анализ, – пишет В.А. Миханкова, – вскрывающий в человеческой речи отображение общественного мышления, выявил и отличную от современной систему мышления так называемых доисторических эпох: ему была присуща иная, с нашей точки зрения лишенная логики ассоциации образов" [Миханкова 1948: 316]. Черты этой системы, обусловленные принципом мотивированности знака, Н.Я. Марр не мог не наблюдать в современной ему речевой практике культуры 2 – это явление "магии речи" (то есть использование принципа мотивированности знака через отождествление знака и денотата для обеспечения действенности речи) и ритуализованной десемантизации [Романенко 1999: 38–46]. Правда, Н.Я. Марр не проводил прямых аналогий между архаическими стадиями речемыслительной деятельности человека и современностью, но логика его исследований и неоднократные заявления об интересе к современной языковой жизни показывают, что ученый видел эти связи. В.А. Миханкова же, толкуя Н.Я. Марра, говорит об этом более определенно: "Пережиточно представления древнейших эпох сохранились и в речи современных народов, стоящих на высокой ступени общественного развития, они прослеживаются особенно четко в топонимике, а также в племенных и национальных названиях" [Миханкова 1948 : 316].

Итак, проведенное сопоставление показывает, что варианты советской философии языка Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра не только являлись определенными фактами развития теории языка, но имели и культурно-прагматический характер, были частью разных типов советской культуры (концепция Е.Д. Поливанова – культуры 1, концепция Н.Я. Марра – культуры 2). В этом смысле они более или менее адекватно отвечали задачам нормирования и описания общественно-языковой практики. В теоретическом же отношении поливановский вариант тяготел, пользуясь терминологией В.Н. Волошинова – М.М. Бахтина, к "абстрактному объективизму", а марровский был ближе традициям "индивидуалистического субъективизма" [Волошинов 1929].

История борьбы этих типов культур и философий языка известна. Культура 2 вытеснила культуру 1, учение Н.Я. Марра – концепцию Е.Д. Поливанова, риторы 2 вытеснили из общественно-политической жизни риторы 1, то же произошло в языкознании и других науках, получивших в советское время политизированную канцелярско-документную организацию [Романенко 1991]. В общественно-языковой практике соответственно менялся языковый стандарт: канцелярит (новояз) теснил старый модернизированный язык. Правда, эти изменения в области языковой нормы были минимальны в силу консерватизма литературного языка вообще. Но они были, и канцелярит – это не квазиязык, а реальность, оказавшая заметное влияние на всю советскую словесную культуру [Романенко 1999; 1997].

История эта имела свое продолжение: в языкознании в форме дискуссии 1950 года с участием И.В. Сталина. В заключение статьи остановимся на этом эпизоде, так как он способствует прояснению анализируемой проблемы.

Уход марризма из советского языкознания в результате дискуссии и, главным образом, сталинской критики объясним, по нашему мнению, кроме прочего, сменой культурных моделей¹⁰. В работах И.В. Сталина (не говоря о прочих участниках дискуссии) критикуется марризм как философия языка культуры 2 с позиций философии языка культуры 1.

Пафос этой критики состоит в отрицании принадлежности языка к надстройке, а следовательно, "классовости" языка и его "новизны": "На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и

¹⁰ Уже высказывалось мнение, что причина разгрома марризма – в несоответствии его новой советской языковой политике [Marcellesi, Gardin 1974].

иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота" [Сталин 1950 : 11–12]; «...формула о "классовости" языка есть ошибочная, немарксистская формула» [Там же: 44]; "На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка" [Там же: 55] (то есть путем модернизации старого языка).

Этос сталинской критики заключается (в соответствии с пафосом) в признании культурной преемственности и традиции: "...современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина" [Сталин 1950 : 19]. Заметим, в качестве образца выбран Пушкин, а не массы!¹¹. Осуждается марровская критика "индоевропеистики": «Н.Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как "идеалистический". А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н.Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов» [Там же: 68–69]. Здесь важно не качество аргументов Сталина, а направленность критики. Прибавим, что в дискуссии с марристами Сталин опирался на академические круги ("старое"), а не на молодых дилетантов ("новое").

Логос этой критики – отрицание основных теоретических постулатов "нового учения о языке". Марровская трактовка связи языка и мышления называется "труд-магической тарабарщиной" [Сталин 1950 : 80], указывается на "злоупотребление" семантикой и на идеалистичность "пресловутого" четырехэлементного анализа. Вместе с тем акцентируется коммуникативная функция языка, а сам язык понимается как техника, не связанная с идеологией [Там же: 16–17]. Акцентируется для языка и его теории важность грамматики, причем подчеркивается ее абстрактный, логический характер, она "напоминает геометрию" [Там же: 49–50]. В связи с этим формализм лингвистики перестает казаться опасным: «Н.Я. Марр считал грамматику пустой "формальностью", а людей, считающих грамматический строй основой языка – формалистами. Это и вовсе глупо. Я думаю, что "формализм" выдуман авторами "нового учения" для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании» [Там же: 86]. Итак, в советской официальной и нормативной философии языка происходит возврат к парадигме "абстрактного объективизма" (по В.Н. Волошинову – М.М. Бахтину), основанной на принципе условности языкового знака. Это указывает на поворот в культурном развитии советского общества к модели культуры 1. Конечно, культура 1 60-х годов не идентична культуре 1 20-х, но типологическая основа их одна и та же. О начинавшейся смене культурной ориентации, кстати, свидетельствует резкая реакция И.В. Сталина на вопрос А. Холопова, нашедшего противоречие между высказанным в 1930 году сталинским мнением о "новом" будущем языке и теперешним его пониманием истории и развития языка как "старого". Резкость, по-видимому, объясняется, во-первых, самим фактом уличения И.В. Сталина в непоследовательности, а во-вторых (и это главное), непониманием А. Холоповым различий двух культур, в разных условиях которых трактовка вопроса должна быть различной, "диалектической"¹².

Таким образом, советская философия языка имела не столько научно-теоретическую, сколько культурно-прагматическую значимость (о чем говорит и сам факт вмешательства в нее И.В. Сталина). Лингвофилософские теории Е.Д. Поливанова и

¹¹ В этой связи интересно свидетельство В.М. Молотова: "Не зря Сталин занялся вопросами языкознания. Он считал, что, когда победит мировая коммунистическая система, – а он все дело к этому вел, – главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина" [Чуев 1991: 40].

¹² И.В. Сталин функционально и культурно-исторически был риторическим идеалом культуры 2 (как В.И. Ленин – культуры 1). Но оба вождя в реальной истории были сложнее, сочетая в себе, хотя и по-разному, нормативы разных культурных моделей.

Н.Я. Марра отвечали разным культурным моделям. Рассмотренный материал имеет отношение и к истории советской культуры, и к истории советского языкознания в его отношении к общественно-языковой практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В.М.* 1991 – История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
- Алпатов В.М.* 1992 – Марксизм и марризм (заметки неисторика) // Восток. 1992. № 3.
- Алпатов В.М.* 1995 – Книга "Марксизм и философия языка" и история языкознания // ВЯ. 1995. № 5.
- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* 1975 – Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Волошинов В.Н.* 1929 – Марксизм и философия языка. Л., 1929.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* 1997 – Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Концевич Л.Р.* 1991 – Послесловие // Е.Д. Поливанов. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
- Леонтьев А.А.* 1983 – Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983.
- Марр Н.Я.* 1927 – Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Баку, 1927.
- Марр Н.Я.* 1930 – К реформе письма и грамматики // Русский язык в советской школе. 1930. № 4.
- Марр Н.Я.* 1933 – Избранные работы. Т. 1. Л., 1933.
- Марр Н.Я.* 1934 – Избранные работы. Т. 3. Л., 1934.
- Марр Н.Я.* 1935 – Избранные работы. Т. 5. Л., 1935.
- Марр Н.Я.* 1936 – Избранные работы. Т. 2. Л., 1936.
- Миханкова В.А.* 1948 – Николай Яковлевич Марр. М.; Л., 1948.
- Паперный В.* 1996 – Культура "Два". М., 1996.
- Поливанов Е.Д.* 1968 – Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов Е.Д.* 1991 – Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
- Рождественский Ю.В.* 1997 – Теория риторики. М., 1997.
- Романенко А.П.* 1991 – Характер и смена "парадигм" в истории советского языкознания // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991.
- Романенко А.П.* 1997 – Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского "Живой как жизнь") // Риторика. 1997. № 1(4).
- Романенко А.П.* 1999 – Типы советской культуры и язык // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1999.
- Сталин И.В.* 1950 – Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.
- Филин Ф.П.* 1982 – Очерки по теории языкознания. М., 1982.
- Чуев Ф.* 1991 – Сталин и его окружение (Последняя встреча с Молотовым) // Мужество. 1991. № 4.
- Genty C.* 1977 – Entre l'histoire et le mythe. E.D. Polivanov. 1891–1938 // Cahiers de Monde russe et Soviétique. XVIII (3). 1977.
- L'Hermite R.* 1987 – Marr, Marrisme, Marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique. P., 1987.
- Marcellesi J.-B., Gardin B.* 1974 – Introduction à la sociolinguistique. P., 1974.
- Thomas L.L.* 1957 – The linguistic theories of N.Ya. Marr. Berkeley; Los Angeles, 1957.